На правах рукописи

СМИРНОВ АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ

ОБРАЗЫ ОРДЫНСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ XVIII – НАЧАЛА XXI В.

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Краснодар
2026

Работа выполнена на кафедре истории России Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный университет» (г. Краснодар)

Научный руководитель:
Минц Светлана Самуиловна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный университет» (г. Краснодар)

Официальные оппоненты:
Горский Антон Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, руководитель Центра источниковедения истории России Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт российской истории Российской академии наук» (г. Москва);
Селезнёв Юрий Васильевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Воронежский государственный университет» (г. Воронеж).
Ведущая организация:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (г. Москва).

Защита состоится «20» марта 2026 г. в 13 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета 24.2.320.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» по адресу: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, ауд. 3030 Л.

E-mail: dissovet.fismo@kubsu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Кубанского государственного университета. Электронная версия автореферата размещена на сайте ВАК Минобрнауки России: https://vak.gisnauka.ru/

Диссертация и автореферат размещены на сайте Кубанского государственного университета: http://www.kubsu.ru

Автореферат разослан «15» января 2026 г.

Учёный секретарь диссертационного совета
доктор исторических наук,
доктор политических наук, профессор А.В. Баранов

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Историческая наука уделяет большое внимание изучению истории интеллектуальной сферы прошлого и настоящего, в частности, образов истории, отразившихся в общественном сознании. Их анализ позволяет увидеть, как формируются и воспринимаются образы исторических событий разными типами сознания на разных этапах процесса развития общества, государства и культуры.

Знания об истории как системообразующий фактор социокультурной и политической идентичности связаны с историей общественно-политической мысли через различные формы репрезентации истории. Современная ситуация подчеркивает огромное значение образов прошлого как инструмента влияния на умонастроение всего населения и его отдельных групп. В настоящее время, когда происходят серьезные трансформации в мировой геополитике, научное осмысление ордынского владычества в исторической памяти россиян представляется актуальной задачей.

Ордынское владычество для отечественного общественного сознания является одной из базовых категорий ее исторической памяти. Данный период вызывал и до сих пор вызывает широкий интерес как в профессиональном историческом, так и в массовом обыденном сознании и используется для построения различных общественно-политических и социокультурных конструктов, выбора векторов дальнейшего развития истории.

В связи с укреплением в сегодняшних реалиях контактов России с Востоком история взаимодействия двух этих миров вызывает все больший интерес. Особое внимание уделяется русско-ордынским отношениям как начальному и весьма продолжительному этапу этих контактов. Данная проблематика активно политизируется, становится полем столкновения различных мнений, идей и идеологий, акторов социокультурных и политических процессов, которые пытаются создать и внедрить в российское общественное сознание определенный образ ордынского владычества на Руси. Изучение формирования и развития этих образов помогает разобраться в широком комплексе вопросов, связанных с историей и культурой России.

Объект исследования – российское общественное сознание XVIII – начала XXI в. Общественное сознание – это пространственно-временной континуум, в котором профессиональные и массовые представления об истории превращаются во взаимоотношения идеологии и общественного мнения.

Предмет исследования – историческая динамика и характеристика образов ордынского владычества, отразившихся в общественном сознании России на его профессиональном и массовом уровнях в течение XVIII – начала XXI в.

Хронологические рамки диссертации охватывают период XVIII–XXI вв. В отечественном массовом сознании политический нарратив и беллетристический миф об ордынском владычестве складываются в достаточно четко сформулированные концепции в понятиях эстетики романтизма (конец XVIII – первая треть XIX в.). Их конструированию предшествовало длительное рациональное

осмысление исторической и общественно-политической мысли в России на протяжении всего XVIII в. Поэтому нижней границей хронологических рамок работы выбран XVIII в. Верхней границей исследования является 2024 г., поскольку образы ордынского владычества продолжают меняться и развиваться под воздействием текущих общественно-политических событий как в России, так и за ее пределами.

В **географические рамки исследования** входят территории Российской империи, СССР и Российской Федерации. Долгое время центральную роль в развитии образов, связанных с русско-ордынскими отношениями, играли столичные центры – Москва и Санкт-Петербург (в советское время – Ленинград). Со второй половины XX в. эти образы актуализируются в национальных регионах РФ, которые постепенно становятся центрами особого внимания внешних и внутренних сил, мечтающих о возрождении Великого Турана. Эти дискурсивные тенденции влияют и на общее состояние общественного сознания современной России.

Степень научной разработанности темы. Интерес к изучению общественного сознания возник на базе историософии Просвещения еще в начале XVIII в. На рубеже XIX–XX вв. проблемы общественного сознания привлекали внимание отечественных исследователей с точки зрения его влияния на политические настроения масс. Историческая мысль современности практически отказалась от такого подхода к истории общественного сознания в силу ряда глубинных причин. Их разбор выходит далеко за рамки поставленной темы и является объектом другого исследования. Современная историческая наука в феномене общественного сознания выделила более конкретный компонент – «историческая память». Он стал привлекать к себе пристальное внимание ученых и политтехнологов как механизм техногенного управления массовым сознанием. Теоретические основы изучения исторической памяти заложены трудами зарубежных исследователей М. Хальбвакса[1], Ж. Ле Гоффа[2], П. Рикера[3], Б. Андерсона[4], Я. Ассмана[5], Й. Рюзена[6], П. Хаттона[7], Д. Лоуэнталя[8], Х. Уайта[9] и многих других.

Обширная отечественная историография, связанная с изучением исторической памяти, представлена работами ученых как советского, так и постсоветского времени. Российская историография общественного сознания и исторической памяти традиционно сильна ориентацией на применение системного ме-

[1] Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.
[2] Ле Гофф Ж. Рождение Европы. СПб., 2007.
[3] Рикер П. Память, история, забвение. М., 2004.
[4] Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001.
[5] Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.
[6] Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории: (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. 2001. Вып. 7. С. 8–26.
[7] Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003.
[8] Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб., 2004.
[9] Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002.

тода. Мы видим ее в работах ученых старшего поколения, созданных в советскую эпоху (М.А. Барга[1], Ю.М. Лотмана[2], А.Л. Шапиро[3] и др.), и в многочисленных трудах современных авторов (Л.П. Репиной[4], Л.Н. Мазур[5], В. Шмида[6], И.М. Савельевой, А.В. Полетаева[7], Л.Р. Хут[8], М.И. Лысковой[9] и т.д.).

М.Ф. Румянцева рассматривает соотношение истории как науки и исторической памяти на разных этапах развития профессионального сознания. По ее мнению, разделение истории и памяти происходит в неклассической науке, позже идет разрыв этих элементов и попытки вновь их совместить в научном дискурсе. Неклассическая модель науки не работает при конструировании исторической памяти, но «она может – и должна – выполнять важную, экспертную функцию – вскрывать механизм формирования социальной памяти»[10].

Изучение образа ордынского владычества, сложившегося у его современников, ведется давно и весьма плодотворно[11]. Образ же в общественном сознании более позднего времени, XVIII–XXI вв., вызывает пока меньше интереса. Примером анализа образов исторических событий в общественном сознании XIX–XX вв. является работа О.Б. Леонтьевой[12]. В ней разобраны как теоретические основы подобных исследований, так и их конкретно-историческое применение. В одном из параграфов О.Б. Леонтьева разбирает образ ордынского владычества в отечественной общественной мысли XIX – начала XX в., обращая особое внимание на противопоставление Золотой Орды как Другого, через которого пытались объяснить наличие в русском развитии азиатских черт.

---

[1] Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987.

[2] Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2010.

[3] Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. 2-е изд. СПб., 1993.

[4] Репина Л.П. «Мост из прошлого в грядущее», или Вновь о метафоре памяти // Диалог со временем. 2012. Вып. 41. С. 181–190; Она же. Память о прошлом в пространстве культуры // Диалог со временем. 2013. Вып. 43. С. 190–198; Леонтьева О.Б., Репина Л.П. Образы прошлого, мемориальная парадигма и «историография памяти» в современной России // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6, Вып. 9 (42). URL: https://history.jes.su/s207987840001259-3-1 (дата обращения: 02.04.2024).

[5] Мазур Л.Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерал. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2013. № 3 (117). С. 243–256.

[6] Шмид В. Нарратология. М., 2003.

[7] Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб., 2003. Т. 2: Образы прошлого. СПб., 2006.

[8] Хут Л.Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. М., 2010.

[9] Лыскова М.И. Мировоззренческие истоки современного массового исторического сознания: Социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2006.

[10] Румянцева М.Ф. Проблема коммеморации метанарратив – места памяти – ренарративизация // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 16–31.

[11] Рудаков В.Н. Ордынские нашествия в русской исторической памяти середины XIII–XVIII в. М., 2025. См. также работы М.В. Шахматова, И.У. Будовница, А.А. Горского, И.Н. Данилевского

[12] Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара, 2011.

Ряд работ (О.Т. Лойко, Н.А. Вакуриной[1], Е.А. Ерохиной[2], В.Н. Сырова[3]) содержит более подробную характеристику основных терминов и понятий коммеморации. Проблемы исторической памяти разбираются в ряде диссертаций, защищенных в недавнее время (работы Д.А. Сосницкого[4], В.В. Ткаченко[5], А.С. Новолодского[6], Л.Е. Стребковой[7]). Немецкий ученый Ф.Б. Шенк разбирает образ Александра Невского в российской исторической памяти XIII–XX вв.[8]

Учебники как объект исторической памяти рассматривают в отечественной историографии А.Н. Фукс[9], И.С. Огоновская[10], в зарубежной – М. Ферро[11]. М. Ферро также изучает кинематограф как исторический источник[12].

В советской научной литературе исторические взгляды классиков русской литературы исследовал Л.В. Черепнин[13]. Он рассматривал мнения об ордынском владычестве и связанным с ним событиям у А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского. В.В. Мароши проводит анализ отражения монгольской темы в русской литературе XX в.[14] Образ Евпатия Коловрата, одного

---

[1] Лойко О.Т., Вакурина Н.А. Социальная память в контексте историзма // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2011. № 1 (13). С. 158–161.

[2] Ерохина Е.А. Историческая память этнической общности в динамике социокультурных трансформаций // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2008. Т.6, № 1. С. 92–97.

[3] Сыров В.Н. В каком историческом сознании мы нуждаемся: к методологии подхода и практике использования // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1 (21). С. 183–190.

[4] Сосницкий Д.А. Историческая память о допетровской Руси в России второй половины XIX – начала XXI вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 2015.

5 Ткаченко В.В. Допетровская Русь в исторической памяти XVIII века: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2020.

6 Новолодский А.С. Войны времени царствования Ивана Грозного в русской исторической памяти второй половины XVI – начала XX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2020.

7 Стребкова Л.И. Куликовская битва в коммеморативных практиках Российской империи второй половины XIX – начала XX веков: автореф. дис. … канд. ист. наук. Курск, 2024.

[8] Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000) / пер. с нем. Е. Земсковой, М. Лавринович. М., 2007.

[9] Фукс А.Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. – вторая половина 1930-х гг.). 2-е изд. М., 2017.

[10] Огоновская И.С. Школьный учебник отечественной истории. Учебные издания как исторический источник // Документ. Архив. История. Современность. 2011. Вып. 12. С. 264–286.

[11] Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 2010.

[12] Ферро М. Кино и история // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 47–57.

[13] Черепнин Л.В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968.

[14] Мароши В.В. «Монгольский миф» в русской литературе XX века // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2003. Вып. 1 (33). С. 48–54.

из центральных героев, связанных в массовом сознании с ордынским владычеством, в русской литературе рассматривают Л.Я. Бобрицких[1], С.Ф. Вититнев и А.В. Шмелева[2].

Проблему влияния художественной литературы на массовое сознание исследует М.И. Лыскова[3]. Немало работ специалистов посвящено произведениям художественной литературы как исторического источника[4].

Историография российского евразийства обширна. Череду работ последних лет открывает исследование М.Г. Вандалковской[5]. За ней, как правило, в региональных научных центрах появляется ряд других исследований[6]. Отдельно как концептуальную попытку научного оформления современного евразийства стоит выделить работу «Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация»[7].

В Дальневосточном отделении РАН основной вектор исторических исследований по Средневековью сосредоточен на единой Монгольской империи и ее степной компоненте, а не на Золотой Орде. Одним из ведущих исследователей здесь является Н.Н. Крадин[8].

---

[1] Бобрицких Л.Я. Евпатий Коловрат в истории русской поэзии (Н. Языков «Евпатий», Л. Мей «Песня про боярина Евпатия Коловрата», С. Есенин «Песнь о Евпатии Коловрате») // Вестник ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. 2015. № 2. С. 14–18.

[2] Вититнев С.Ф., Шмелева А.В. Евпатий Коловрат: художественное воплощение исторического образа // Ученые записки НовГУ. 2020. № 3 (28). С. 1–6.

[3] Лыскова М.И. Влияние художественной литературы на формирование массового исторического сознания // Современные научные исследования. 2013. Вып. 1: Концепт. URL: http://e–koncept.ru/article/990/ (дата обращения: 13.02.2025).

[4] См.: Каргалов В.В. Древняя Русь в советской художественной литературе: достоверность исторического романа. М., 1968; Тубылевич Р.Е. Древнерусское историческое повествование как источник исторических романов 40–60-х гг. XX в. (С.П. Бородин «Дмитрий Донской», В.Г. Ян «Батый», М.А. Рапов «Зори над Русью», М.Д. Каратеев «Богатыри проснулись») // Вестник Сыктывкарского университета. Сер. гуманитарных наук. 2019. № 3 (11). С. 25–42; Дубин Б.В. Семантика, риторика и социальные функции «прошлого»: к социологии советского и постсоветского исторического романа. М., 2003.

[5] Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997.

[6] Например: Лушников О.В. Предпосылки, формирование и развитие евразийской идеи: история и современность: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2008; Евразийство: философия, история, политика / под ред. О.Т. Кирсанова. Ростов н/Д, 2006.

[7] Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск, 2010.

[8] Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М., 2006; Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики / отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. М., 2019.

В диссертационных исследованиях Ф.Ф. Мухаметова[1], В.В. Трубкина[2], В.В. Политова[3] разбираются различные аспекты отечественной историографии XVIII – начала XXI в., посвященной ордынскому владычеству. Они стали основой для выбора тех работ, которые современная историческая наука считает основополагающими по данной проблематике.

В начале 2000-х гг. отечественные специалисты по исторической памяти и историографии часто обращались к работам Э. Саида, изучавшего восприятие Востока в западной интеллектуальной мысли[4]. Для характеристики сложившегося на Западе образа Востока он предлагал использовать термин «ориентализм». Одной из основных идей автора стал тезис о том, что образ Востока, созданный европейским ориентализмом, является конструктом, по которому Европа познает его и формирует к нему свое отношение, через эту дихотомию осознавая и себя. На наш взгляд, данную теорию вполне можно применить и к анализу образа ордынского владычества, поскольку Золотая Орда до конца XX в. российским сознанием по большей части воспринималась как иная, совершенно отличная от России азиатская страна.

Цель работы – охарактеризовать образы ордынского владычества, существовавшие в общественной мысли и идеологии России XVIII–XXI вв., и проследить этапы их эволюции в интеллектуальной истории России.

Для достижения обозначенной цели были поставлены следующие **задачи**:

1) исследовать образы ордынского владычества, которые используются в системообразующих дискурсивных полях отечественного общественного сознания XVIII – начала XXI в.;

2) показать эволюцию образов ордынского владычества в российском общественном сознании XVIII – начала XXI в.;

3) выявить характерные черты образов ордынского владычества в общественном сознании России XVIII – начала XX в.;

4) проанализировать образы ордынского владычества, сложившиеся в общественном сознании СССР и русской эмиграции 1920–1980-х гг.;

5) рассмотреть изменение образов ордынского владычества в профессиональном и массовом сознании России в условиях серьезных общественно-политических и социокультурных изменений после 1991 г.;

6) установить особенности сочетания образов ордынского владычества, сложившихся в различных дискурсивных полях общественного сознания XVIII – начала XXI в., их взаимодействие и взаимовлияние, механизмы формирования.

---

[1] Мухаметов Ф.Ф. Отечественная историография монгольского завоевания Руси: автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2007.

[2] Трубкин В.В. Отечественная историческая литература о русско-ордынских и русско-литовских отношениях в середине XIII – XV вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Омск, 2007.

[3] Политов В.В. Отечественная историография влияния монголо-татарского ига на социально-политические институты княжеств Северо-Восточной Руси: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2017.

[4] Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб., 2006.

Теоретико-методологическая основа исследования базируется на трех фундаментальных принципах исторической науки – объективности, историзма и системности.

При изучении темы основным специально-научным методом стал историко-системный метод. Навыки выбора конкретных стратегий и практик системного моделирования исторических явлений, процессов и состояний стали достижением отечественной исторической науки эпохи позднего модерна[1]. Введение в предметное поле исторической науки таких системных отраслей исторического знания, как социально-экономическая история, история культуры, интеллектуальная история и имагология, сложившихся в поле междисциплинарного синтеза, сделало возможным применение конкретных приемов системного моделирования к изучению эволюции образов ордынского владычества в пространственно-временном континууме общественного сознания XVIII – начала XXI в.

Системный метод базируется на выявлении компонентов структуры общественного сознания как изучаемого объекта, функций ее элементов и подсистем в системе российской истории. Единичные исторические факты (элементы), необходимые для системного анализа, содержатся в различных продуктах интеллектуального производства изучаемого времени (исторических трудах, публицистике, учебниках, энциклопедиях и словарях, мультфильмах, кинолентах, художественной литературе). Их взаимодействие прослеживается в дискурсивных полях различного масштаба, функционирующих в разные периоды существования общественного сознания.

Для выявления и определения механизмов взаимодействия элементов и подсистем общественного сознания России XVIII – начала XXI в. применялся историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический и историко-структурный методы. Поле междисциплинарного синтеза расширяет их возможности при изучении конкретных фаз взаимодействия элементов внутри дискурсивных полей разного уровня.

Системой в данном исследовании является российское общественное сознание XXIII – начала XXI в. Система состоит из разнонаправленных дискурсивных полей. Это подсистемы первого порядка. Каждое из дискурсивных полей состоит из совокупностей большого числа отдельных элементов – конкретных образов ордынского владычества. Это подсистемы второго порядка. Образы разной степени сложности и сформулированности – единичные факты, извлеченные из изученных источников. Результатом применения приемов системного моделирования стала модель эволюции образов ордынского владычества в общественном сознании XVIII – начала XXI в.

[1] Подробнее об этом см., например: Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Минц С.С. Теория и методология истории: тексты лекций и программа курса. Краснодар, 2007; Минц С.С., Черемушникова И. К. Человек и пространство культуры. Волгоград, 2018.

Хорошим примером применения системного метода в исторических исследованиях являются работы С.С. Минц. В одной из них[1] системный метод применяется для изучения мемуаров российского дворянства XVIII–XIX вв. как источника, позволяющего выявить социально-психологические особенности этого сословия, их эволюцию и место в общественном сознании того времени. Ценными в методологическом плане представляются рассуждения автора о необходимости использования в историческом исследовании разных уровней логического обобщения и использовании моделей среднего уровня[2]. Системный метод С.С. Минц применяет и при изучении культуры[3].

Важной в методологическом плане является работа Л.П. Репиной[4], где разбираются многие понятия, связанные с образами истории в общественном сознании и исторической памяти. Автор обращает внимание на взаимодействие ученых знаний и коллективных представлений о прошлом, переход в исторической науке от изучения самого события прошлого к анализу его образа, который сложился у современников и потомков данного события, обосновывает использование различных источников для работы с этими образами[5]. Репина полагает неверным «сводить историческое сознание к исторической памяти, столь же неправомерно без всяких оговорок ставить знак равенства между историческим и общественным сознанием, поскольку первое – лишь измерение, срез второго»[6]. В настоящей диссертации автор целиком придерживается подхода к интеллектуальной истории и имагологии, который в своих работах подробно обосновывает Л.П. Репина.

В методологическую базу междисциплинарного синтеза данной работы вошли также результаты исследований из областей социологии, исторической и социальной психологии, литературоведения и достижения интеллектуальной истории.

Любое историческое знание многослойно. Каждый факт может рассматриваться в разных исторических масштабах. Переход на более крупный масштаб исторического пространства и времени изучение образов этих событий помогает лучше понять общие тенденции развития российского общественного сознания XIX – начала XXI в.

Источниковая база исследования. Охватить все многообразие источников, в которых отразился образ ордынского владычества в отечественном общественном сознании, невозможно в рамках одного диссертационного исследования, поэтому в данной работе рассматриваются лишь несколько дискурсивных системообразующих полей. Для профессионального исторического сознания источниками стали фундаментальные обобщающие работы по истории России; для

---

[1] Минц С.С. Мемуары и российское дворянство: Источниковедческий аспект историко-психологического исследования. СПб., 1998.
[2] Там же. С. 195.
[3] Минц С.С. Культура и самосознание: лекции по культурологии. Краснодар, 2008.
[4] Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003.
[5] Там же. С. 5–10.
[6] Там же. С. 26.

характеристики массового сознания – художественная литература и кинематограф как наиболее популярные средства трансляции исторических образов. Связующим звеном между образами прошлого в профессиональном и массовом сознании служат учебники по истории, энциклопедии и публицистика. Важность того или иного источника определялась по оценке его значимости последующими поколениями историков для поля профессионального сознания и наиболее популярными объектами культуры и искусства для массового сознания российского общества. Каждый из этих источников создан в определенной социокультурной среде и одновременно выступает ее производным, компонентом и частью канала трансформации общественного сознания.

В рамках профессионального дискурса для анализа были выбраны наиболее известные и популярные исторические работы, а также те, в которых тема ордынского владычества является основной. Профессиональная историческая наука в России ведет свою историю с рубежа XVII–XVIII вв. Русско-ордынские отношения лишь затрагивались в работах В.Н. Татищева[1], М.В. Ломоносова[2], М.М. Щербатова[3], И.Н. Болтина[4]. Ситуация меняется в XIX – начале XX в., когда выходит большое число известных фундаментальных работ по истории России, среди которых труды Н.М. Карамзина[5], Н.А. Полевого[6], С.М. Соловьева[7], Н.И. Костомарова[8], В.О. Ключевского[9], С.Ф. Платонова[10], А.Е. Преснякова[11], М.К. Любавского[12] и др. Появляются и монографии, посвященные отдельным аспектам истории Золотой Орды (П.А. Наумов[13], А.Ф. Рихтер[14], В.В. Григорьев[15], И.Н. Березин[16] и др.).

---

[1] Татищев В.Н. История Российская. Ч. 2 // Собрание сочинений: в 8 т. М., 1994. (Репринт. изд. М., 1963–1964).

[2] Ломоносов М.В. Краткий российской летописец с родословием. СПб., 1760.

[3] Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. 3. СПб., 1774; Т. 4. СПб., 1781.

[4] Болтин И.Н. Примечания на историю древния и нынешния России г. Леклерка. [СПб.], 1788. Т. 2.

[5] Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. М., 1991. Т. 4.; М., 1993. Т. 5.

[6] Полевой Н.А. История русского народа. М., 1833. Т. 4.

[7] Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. / отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М., 1988. Кн. 1, т. 1–2; Кн. 2, т. 3–4.

[8] Костомаров Н.И. Начало единодержавия в Древней Руси // Вестник Европы. 1870. № 12. С. 495–563.

[9] Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 2, ч. 2: Курс русской истории. М., 1987.

[10] Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. В 2-х частях. Ч. 1. М., 1994.

[11] Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства: очерки по истории XIII–XV столетий. Пг., 1918.

[12] Любавский М.К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. 4-е изд. СПб., 2000.

[13] Наумов П. Об отношениях российских князей к монгольским и татарским ханам от 1224 по 1480 год. СПб., 1823.

[14] Рихтер А. Исследования о влиянии монголо-татар на Россию // Отечественные записки. СПб., 1825.

[15] Григорьев В.В. О местоположении столицы Золотой Орды – Сарая. СПб., 1845.

[16] Березин И.Н. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. СПб., 1863.

В советской историографии концептуальную роль по русско-ордынским отношениям и истории средневековой Руси сыграли труды А.Н. Насонова[1], Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского[2], В.Т. Пашуто[3], Б.А. Рыбакова[4], М.Н. Тихомирова[5], Л.В. Черепнина[6], В.В. Каргалова[7], В.А. Кучкина[8], Г.А. Федорова-Давыдова[9], В.Л. Егорова[10], Я. С. Лурье[11] и др. Среди авторов региональных научных школ необходимо назвать М.Г. Сафаргалиева[12].

В исторической науке постсоветского времени концептуализирующее влияние, связанное с образами ордынского владычества, имеют работы А.А. Горского[13], Н.С. Борисова[14], Ю.В. Кривошеева[15], И.Н. Данилевского[16], В.В. Трепавлова[17], Р.Ю. Почекаева[18], В.Н. Рудакова[19], Ю.В. Селезнева[20] и др. Увеличивается количество трудов региональных авторов, занимающихся историей ордынского владычества (Р.С. Хакимов[21], И.Л. Измайлов и Д.М. Исхаков[22], Т.Р. Галимов [23],

[1] Насонов А.Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.; Л., 1940.
[2] Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.
[3] Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость. М., 1956.
[4] Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. [М]., 1948.
[5] Тихомиров М.Н. Средневековая Москва. М., 1997.
[6] Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV– XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960.
[7] Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967.
[8] Кучкин В.А. Русь под игом: как это было? М., 1991.
[9] Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
[10] Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. 3-е изд. М., 2010.
[11] Лурье Я.С. Россия древняя и Россия новая (избранное). М., 1997.
[12] Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
[13] Горский А.А. Москва и Орда. М., 2016.
[14] Борисов Н.С. Политика Московских князей (конец XIII – первая половина XIV в.). М., 1999.
[15] Кривошеев Ю.В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. 3-е изд. СПб., 2015.
[16] Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): курс лекций. М., 2001.
[17] Трепавлов В.В. Золотая Орда в XIV столетии. М., 2010.
[18] Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань, 2009.
[19] Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII– XV в. 2-е изд. М., 2014.
[20] Селезнев Ю.В. Русские князья в политической системе Джучиева Улуса (Орды): дис. … д-ра ист. наук. Воронеж, 2014.
[21] Хакимов Р.С. Золотая Орда как вершина тюрко-татарской цивилизации // Золотоордынская цивилизация: сб. ст. / ред. И.М. Миргалеев. Казань, 2008. Вып. 1. С. 14– 21.
[22] А было ли иго? // Родина. 1997. № 8. С. 85–92.
[23] Галимов Т.Р. Киевские митрополиты между Русью и Ордой (вторая половина XIII в.). Казань, 2019.

Е.В. Нолев [1], Б.Р. Рахимзянов [2] и др.). Эти авторы посвятили теме русско-ордынских отношений огромное количество работ, исследовать их целиком в рамках одного исследования, разумеется, невозможно, да и не нужно. Для анализа были взяты наиболее концептуальные труды, играющие системообразующую роль в современном историческом сознании.

Особую категорию исторических работ составляют труды по церковной истории, в которых присутствует тема ордынского владычества. Их авторы – митрополит Платон (Левшин)[3], архиепископ Филарет (Гумилевский)[4], митрополит Макарий (Булгаков)[5], Е.Е. Голубинский[6], А.В. Карташев[7] и др. В данном исследовании изучены работы по церковной истории только до 1917 г., а также написанные авторами в эмиграции, поскольку влияние церковного дискурса на общественное сознание было наиболее велико в имперский период и литературе русской зарубежной диаспоры. Наибольшим авторитетом в церковном дискурсе попрежнему пользуются труды авторов XIX – начала XX в. Образы ордынского владычества, которые транслировались церковной историей, играли и вновь начинают играть важную роль в исторической памяти широких масс населения России. Наиболее восприимчивы к ним оказались его образованные круги. Историки, как и авторы иных исследуемых источников, в своих работах не свободны от влияния внешней среды: воспитания, мировоззренческой позиции, общественно-политической ситуации, государственного заказа и т.д. Всего в рамках изучения дискурсивного поля профессиональной исторической науки исследован 161 источник.

В данном диссертационном исследовании не рассматриваются отдельной темой работы иностранных авторов по ордынскому владычеству в России, так как они создавались в совершенно иной социокультурной ситуации, чем отечественные труды. Их изучение позволит выявить скорее особенности общественного сознания родных этим авторам стран. Издание переводов подобных работ на русский язык, однако, может свидетельствовать об интересе отечественной мысли именно к ним и заложенным в них идеям среди всей остальной массы зарубежной научной литературы.

Важным источником для изучения массовых представлений об истории является художественная литература. Историческая наука давно обратила внима-

---

[1] Нолев Е.В. Современная историография взаимоотношений Руси и Золотой Орды (Улуса Джучи): дис. … канд ист. наук. Улан-Удэ, 2013.

[2] Рахимзянов Б.Р. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. СПб., 2016.

[3] Платон (Левшин). Краткая церковная российская история, сочиненная преосвященным Платоном, Митрополитом Московским в Вифании. М., 1805.

[4] Филарет (Гумилевский). История Русской Церкви. Период второй, монгольский. От опустошения России монголами до разделения митрополии. 1236–1410 г. 2-е изд. М., 1850.

[5] Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Т. 4: В период монгольский. СПб., 1866. Кн. 1.

[6] Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Период второй, Московский. Т. 2: От нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Первая половина тома. М., 1900.

[7] Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви: в 2 т. М.; Берлин, 2020. Т. I.

ние на важнейшую роль художественной литературы в формировании исторических образов в массовой и профессиональной сферах общественного сознания[1]. Среди авторов, в произведениях которых образы ордынского владычества занимали видное место, можно выделить С.Н. Глинку, В.А. Озерова, В.Г. Яна, С.П. Бородина, А.К. Югова, М.А. Рапова, М.Д. Каратеева, Б.Е. Тумасова, Д.М. Балашова, И.К. Калашникова, В.В. Каргалова и др. Как видим, ряд авторов художественных произведений, касающихся ордынской тематики, были не только профессиональными писателями, но и профессиональными историками. Художественная литература дает возможность сделать образы исторического повествования объемнее, доступнее массовому читателю. Всего в рамках изучения дискурсивного поля художественной литературы исследовано 45 источников.

Энциклопедические издания являются источниками компактного и легко усваиваемого знания для довольно широких слоев населения. В них в сжатом формате предлагаются концепции и основные взгляды, актуальные в профессиональной исторической среде на момент публикации. Энциклопедии можно рассматривать как регламентирующую литературу, хотя в серьезных научных исследованиях на них ссылаются не слишком часто. Основные достоинства энциклопедий как объекта анализа массового сознания заключаются в их способности привлекать более широкую аудиторию читателей. В работе анализируются статьи об ордынском владычестве в крупнейших отечественных энциклопедических изданиях: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Энциклопедический словарь Гранат, Большая советская энциклопедия, Советская историческая энциклопедия, Большая российская энциклопедия.

В сфере публицистики происходит пересечение взглядов профессионального и массового исторического сознания. Специфика публицистики как исторического источника видится в том, что она фиксирует пути и особенности формирования исторических образов в процессе обмена мнениями одной социальной группы с другой по общественно значимым проблемам. В рамках изучения и функционирования образов ордынского владычества статус публицистических источников можно придать полемическим выступлениям таких разных авторов, как А.С. Пушкин, Н.Г. Чернышевский, А.И. Герцен, Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Л.Н. Гумилёв, О.О. Сулейменов, В.А. Чивилихин, В.В. Кожинов, А.И. Фурсов, Е.Ю. Спицын и других, а также произведениям жанра фолк-хистори. Всего в рамках изучения дискурсивного поля публицистики исследовано 38 источников.

Еще одним видом источника, оказывающим системообразующее влияние на образы ордынского владычества в отечественном общественном сознании, является кинематограф. К нему как разновидность можно отнести и мультипликацию. Каждый фильм является отражением своего времени и места возникновения. Даже если действие на экране разворачивается в далеком прошлом, затра-

[1] Шмидт С.О. Памятники художественной литературы как источник исторических знаний // Отечественная история. 2002. № 1. С. 40–41 и др.

гиваемые в нем темы и вопросы остаются важными для создателей и их современников. Яркое проявление связи с проблемами массовой исторической идентичности отличает кино как вид искусства в эпохи позднего модерна и постмодерна. Кинематограф объединяет характерные черты различных сфер культуры, таких как живопись, музыка, литература и театр. Это одна из главных причин его мощного эмоционального воздействия на зрителя, широкой аудитории и значительной роли в формировании общественного мнения о прошлом и настоящем.

Кинематограф оказывает огромное влияние на представления людей и общества в целом об истории. Этот вид источника сравнительно недавно попал в поле зрения историков[1]. Образы, представленные кинематографом, оказывают большое влияние и на массовое, и на профессиональное сознание. Кинематограф – более распространенный канал трансляции исторических знаний, нежели научные работы.

В работе были изучены следующие кинопроизведения, в которых нашла отражение тема ордынского владычества: «Александр Невский» (1938 г., реж. С.М. Эйзенштейн), «Андрей Рублев» (1966 г., реж. А.А. Тарковский), «Захар Беркут» (1971 г., реж. Л.М. Осыка), «Даниил – князь Галицкий» (1987 г., реж. Я.В. Лупий), «Житие Александра Невского» (1991 г., реж. Г.М. Кузнецов), «Тайна Чингис Хаана» (2009 г., реж. А.В. Борисов), «Орда» (2012 г., реж. А.А. Прошкин), «Легенда о Коловрате» (2017 г., реж. Д.Х. Файзиев), «Золотая Орда» (сериал, 2018 г., реж. Т.А. Алпатов), «Злой город» (2025 г., реж. К.В. Буслов).

В рамках кинематографии рассмотрены только художественные фильмы как средство конструирования образа ордынского владычества. В последние десятилетия выходит много документальных фильмов, в которых освещена данная эпоха, например, проекты Star Media «Рюриковичи», «История государства Российского» и т.п. Документалистика строится по несколько другим приемам, нежели игровое кино, поэтому данный вопрос целесообразно исследовать в отдельной работе.

Мультфильм «формирует в детском сознании первые исторические представления, дает первую картину прошлого»[2]. Мультипликация, в отличие от других видов искусства, отличается предельной условностью. Это открывает перед ней безграничные возможности для выражения иносказаний, юмора и иронии. Благодаря этому мультфильмы способны затрагивать темы, которые в игровом кино были бы сложны или даже невозможны для прямого изображения. Кроме

[1] См., например: Волков Е.В., Пономарева Е.В. Игровое кино как источник для изучения культурной памяти // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2012. № 10 (269). С. 22–26; Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики // Об искусстве. СПб., 1998. С. 288–372; Ферро М. Кино и история // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 47–57; Горбачёв О.В. Советский художественный кинематограф как исторический документ: особенности анализа и интерпретации // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2015. Вып. 15. С. 126–136.

[2] Капорина Ю.В. Мультфильм как источник первичных исторических знаний // Евразийский союз ученых. 2017. № 3 (36). С. 6.

того, мультфильмы эффективно используются для популяризации новых образов и идей, привлекая к ним широкую аудиторию. Автором проанализированы работы режиссеров-мультипликаторов: Р.В. Давыдова, К.Э. Бронзита, С.А. Подивилова, С.В. Гордеева и др. Всего в рамках дискурсивного поля кинематографии и мультипликации изучено 18 источников.

Учебники по истории – еще один важный источник для исследования общественного сознания. А.Н. Фукс верно отмечает, что «в школьном преподавании наиболее рельефно обнаруживается связь между историей и современностью»[1], причем данная ситуация типична для любого периода развития исторического образования в России. Главной функцией в школьном историческом образовании является воспитательная, а не познавательная. Знания в них – лишь материал, из которого лепится образ, соответствующий социальным заказам государства, общества или отдельных групп. Учебники создают массовые стереотипы длительного пользования. При определенных условиях они могут быть весьма устойчивыми.

Для анализа выбраны выходившие массовыми тиражами, наиболее распространенные или официально утвержденные государством в разные исторические периоды учебники Н.Г. Устрялова, Д.И. Иловайского, М.Я. Острогорского, И.И. Беллярминова, В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова, М.Н. Покровского, А.В. Шестакова, А.М. Панкратовой, М.В. Нечкиной, Б.А. Рыбакова, А.А. Данилова, Л.А. Кацвы и А.Л. Юрганова, А.Н. Сахарова, А.В. Торкунова, Е.В. Пчелова, Л.В. Милова, Б.Н. Флори и других. Всего в рамках изучения дискурсивного поля учебной литературы по истории исследовано 38 источников.

За рамками диссертации оказались памятники изобразительного искусства, музыки, архитектуры и многие другие, в которых так или иначе отразилась образы ордынского владычества. Отдельной темой для исследования может стать отражение этих образов в народных представлениях широких масс российского населения XVIII–XXI вв. Тут можно задействовать фольклор, устное народное творчество и т.п. Инструментарий для работы с различными группами источников предложен в данной диссертации.

Источниковая база исследования включает в себя письменные и визуальные источники разных видов и разновидностей. Она репрезентативна для поставленной исследовательской цели и позволяет проследить появление, способы концептуализации, функционирование и эволюцию образов ордынского владычества в российском общественном сознании.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1. На широком источниковом материале выявлены и рассмотрены образы ордынского владычества в различных областях общественной мысли России XVIII – начала XXI в.: профессиональной и любительской исторической науке, учебной и энциклопедической литературе, поэзии и прозе, публицистике, кино и мультипликации.

[1] Фукс А.Н. Указ. соч. С. 21.

2. Выделены системообразующие дискурсивные поля в общественном сознании XVIII – начала XXI в., связанные с представлениями об ордынском владычестве (историческое, публицистическое, религиозное, социально-политическое, социокультурное и художественное), показаны механизмы распространения и воздействия на профессиональное и массовое сознание исторически сложившихся стереотипов ордынского владычества, их зависимость от общественных мнений и настроений: образы ордынского владычества в главах рассмотрены в хронологическом порядке, группировка и пересечение обозначенных дискурсивных полей становится результатом анализа выявленных тенденций и дается в конце каждого параграфа и главы.

3. Установлены характерные черты образов ордынского владычества в российском общественном сознании XVIII – начала XX в., влияние на них религиозного компонента, европейских взглядов на степь и Золотую Орду, вопросов, связанных с определением особого места России между Западом и Востоком, азиатского влияния на неё.

4. Выявлены образы ордынского владычества, сложившиеся в отечественном общественном сознании в 1920–1980-х гг. как в СССР, так и среди русской эмиграции; показано влияние на них политических интересов в различных областях социокультурной жизни.

5. Выделены особенности эволюции образов ордынского владычества в общественном сознании России после 1991 г., воздействие на них интересов региональных элит и разных групп населения, новых концепций исторического знания; выявлена связь этих образов с геополитическими интересами и задачами построения новой гражданской нации.

6. Определены периоды и этапы эволюции образов ордынского владычества в пространственно-временном континууме общественного сознания России XVIII – начала XXI в.; на основе выявления пересечения различных дискурсивных полей построена динамическая системная модель истории образов ордынского владычества, влиявших на политическую и социокультурную активность россиян; показана история образов ордынского владычества от их религиозной трактовки «наказания за грехи» к превращению в инструмент последовательной борьбы за обладание геополитическим и историческим капиталом Золотой Орды и империи Чингисхана.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Образы ордынского владычества рождаются и функционируют в различных сферах общественного сознания. Структурируются они, как правило, в дискурсивных полях с достаточно высокой степенью профессионализации представлений о нормах, ценностях и идеалах. Это поля исторического, религиозного, социально-политического, социокультурного и художественного дискурсов. При этом доля профессионализированных представлений не является в каждом из них доминирующей. Например, образы ордынского владычества, рожденные в поле профессионального или любительского исторического дискурса, имеют в своем составе, кроме представлений о технологии построения научных понятий, черты политической или религиозной идеологизации, смыслового содержания мифа, этических или эстетических идей. Принадлежность образа к

тому или иному дискурсивному полю определяется по доминирующему компоненту в его структуре. Доминанты рождаются в точках пересечения дискурсивных полей.

2. Системная динамическая модель истории образов ордынского владычества может быть построена с опорой на представления о том, что общественное сознание – это объемный многомерный пространственно-временной континуум (в науке последних лет такие системы называют 3D-моделями). Роль подсистем в нем выполняют дискурсивные потоки разной направленности и интенсивности. Механизмы взаимодействия этих потоков наиболее интенсивно проявляются в дискурсивном поле публицистики, а общественные функции образов становятся заметнее в точках пересечения дискурсивных полей разной специализации и направленности.

3. На формирование и функционирование образов ордынского владычества в XVIII – начале XX в. большое влияние оказывали религиозная концепция власти Орды как наказания за грехи и поиск национальных особенностей России, в том числе связанных с Востоком. Общественное сознание довольно долго воспринимало влияние Орды как внешнее, чужеродное для русской истории, несмотря на то, что в привилегированных сословиях Российской империи было немало выходцев из Золотой Орды. Концептуализация образов идет под влиянием идей Просвещения и эстетики романтизма. Со второй половины XIX в. ордынское владычество начинает связываться с национально-освободительной борьбой русского народа и противостоянием леса и степи.

4. История образов ордынского владычества в дискурсивном поле материалистических представлений отечественного сознания 1920–1980-х гг. подчинялась социально-политическим задачам, стоявшим перед советским государством, и потребностям формирования политической идентичности разных групп населения многонациональной страны. В 1920-е гг. происходит раскол общественного сознания на эмигрантское и оставшееся внутри страны, образы ордынского владычества в этих частях развиваются параллельно, но с 1970-х гг. все больше сходятся на основе интереса к идеям евразийцев.

5. С 1991 г. образы ордынского владычества превращаются в инструмент для утверждения национальной идентичности отдельных регионов России. На федеральном уровне в русско-ордынских отношениях ищут основание для новых геополитических идей и положения России в современном мире как наследницы евразийских тенденций Золотой Орды и империи Чингисхана. Продолжается использование этих образов как средства для сплочения нации в борьбе с иноземными завоевателями. Эти две линии постепенно вступают друг с другом во все большие противоречия, возможность их совмещения в дальнейшем может помочь в преодолении кризиса и раздробленности российского общественного сознания.

6. Степень однородности общественного сознания как пространственно-временного континуума меняется от периода к периоду и определяется по способам концептуализации образов ордынского владычества и функциям, которые они выполняют в подсистемах (дискурсивных полях). В истории общественного

сознания XVIII – начала XXI в. выделены три основных периода эволюции образов ордынского владычества: XVIII – начало XX в. – имперский период формирования и взаимодействия образов ордынского владычества; 1920–1980-е гг. – господство в политическом дискурсе материалистических представлений об образах ордынского владычества; 1990-е – первая половина 2020-х гг. – трактовка образов ордынского владычества в сложных поисках новых форм российской идентичности.

Соответствие диссертационного исследования паспорту научной специальности. Диссертационное исследование выполнено в рамках специальности 5.6.1. – Отечественная история и соответствует следующим направлениям исследований: 9. История общественной мысли. Интеллектуальная история. Историческая имагология. История образования и образовательных институтов; 12. История развития культуры, науки и образования России, ее регионов и народов; 24. История государственной и общественной идеологии, общественных настроений и общественного мнения.

Теоретическая значимость исследования заключается в системном анализе отражения проблематики ордынского владычества в истории отечественной общественной мысли. Рассмотрены образы ордынского владычества в профессиональном и массовом общественном сознании и дискурсивные поля их взаимодействий. Впервые предложена системная динамическая модель эволюции образов ордынского владычества в российском общественном сознании XVIII – начала XXI в.

Практическая значимость исследования. Исследование представляет интерес для изучения истории России в контексте интеллектуальной истории, истории идей и общественных настроений XVIII–XXI вв. Его результаты могут быть использованы в учебных курсах по истории России, культуре, политической мысли, а также в специализированных дисциплинах, посвященных интеллектуальной истории и имагологии. Приемы и методы изучения общественного сознания, использованные в работе, представляют интерес для современного источниковедения и методологии истории.

Апробация темы исследования. Основные положения исследования апробированы в ходе участия в следующих конференциях: III Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Региональные культурные стратегии в современном мире» (г. Пермь, 11–12 мая 2023 г.), 74-й конференции ФИСМО в рамках Молодежной недели науки КубГУ (г. Краснодар, 22–26 апреля 2024 г.), IV Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Региональные культурные стратегии в современном мире» (г. Пермь, 16–17 мая 2024 г.), IX Всероссийском молодежном научном форуме «Наука будущего – наука молодых» (г. Самара, 29 октября – 1 ноября 2024 г.), 75-й конференции ФИСМО в рамках Молодежной недели науки КубГУ (г. Краснодар, 21–25 апреля 2025 г.), XIII Международной научно-практической школе-конференции молодых ученых (г. Москва, 21–24 октября 2025 г.).

Результаты диссертации нашли отражение в 9 научных публикациях, из них 3 в ведущих рецензируемых научных изданиях, входящих в рекомендованный

перечень ВАК при Минобрнауки России, отнесённых к квартилю 2. Общий объем опубликованных работ составляет 5,13 п.л.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (г. Краснодар).

Структура диссертации отвечает поставленным цели и задачам. Диссертация состоит из введения, трех глав, состоящих из 6 параграфов, заключения и списка использованных источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы исследования, рассмотрена степень ее научной разработанности, определены объект и предмет, хронологические и территориальные рамки исследования, поставлены цели и задачи диссертационной работы. Охарактеризованы теоретико-методологическая и источниковая базы исследования, обоснованы научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы. Изложены основные положения, выносимые на защиту, сформулированы теоретическая и практическая значимость исследования. Приведены данные о соответствии работы паспорту научной специальности, об апробации и структуре диссертации.

В **главе 1 «Образы ордынского владычества в российском общественном сознании XVIII – начала XX в.»** анализируется зарождение и развитие образов ордынского владычества в российской исторической мысли, учебной, художественной литературе и публицистике XVIII – начала XX в.

В **параграфе 1.1 «Ордынское владычество в светской и духовной интеллектуальной истории XVIII – начала XX в.»** рассматриваются взгляды на зависимость Руси от Орды в церковной и светской исторической мысли XVIII – начала XX в. Ордынское владычество с момента зарождения профессиональной исторической науки в России упоминается авторами и постепенно перемещается в центр представлений об особенностях развития русской истории. В первой половине XVIII в. в исторической мысли зависимость от Орды была связана с религиозными категориями. Во второй половине XVIII в. данная тема секуляризируется и начинает изучаться с рациональной точки зрения. Золотая Орда историками XVIII–XIX вв. оценивалась с позиций европеизма, преобладавшего в общественном сознании того времени, и представлялась «диким», «варварским» государством, которое в нравственном и культурном отношении оказало на Русь негативное влияние. Иной взгляд сложился во второй половине XIX в. у ученых государственной школы, которые рассматривали ордынскую зависимость как инструмент, использовавшийся для развития русской политической власти.

В работах историков церкви эпоха подчинения Орде призвана была подчеркнуть значимую роль православной веры и ее первосвятителей. Большинство церковных авторов, следуя религиозному сознанию XIII–XV вв., рассматривали ордынское владычество как божье наказание, ниспосланное для исправления заблудших душ. Поэтому его последствия не виделись им только отрицательными,

наоборот, это испытание лишь закалило Россию и дало ярчайшие примеры святой жизни, величия и силы православной веры, ее торжества над всеми трудностями. На церковное образование не оказала сильного влияния марксистская идеология в советские годы, поэтому слом прежнего взгляда не произошел – в современную эпоху в церковном дискурсе продолжают господствовать тезисы работ XIX в. об ордынском «иге».

В **параграфе 1.2 «Представления о русско-ордынских отношениях в учебном и художественно-публицистическом дискурсе XVIII – начала XX в.»** изучается отражение темы ордынского владычества в художественной и учебной литературе, публицистике данного периода. В конце XVIII – первой половине XIX в. решающее влияние на складывание образов ордынского владычества в российском общественном сознании оказывал религиозный дискурс, согласно которому, Русь в противостоянии с монголами являлась защитником православия. Представители профессионального исторического сознания второй половины XVIII в. пытались раскрыть причины долгой зависимости русских земель от Орды с позиций рационализма, но использовали для этого по-прежнему религиозную категорию «кары за грехи», поскольку эта причина превалирует в тех источниках, которыми пользовались исследователи (русские летописные и религиозные тексты Средневековья и раннего Нового времени). Наказание это постигает в первую очередь князей за их междоусобицы и отсутствие единства.

В конце XVIII в. – 1840-х гг. концептуализация образов ордынского владычества происходит с помощью средств эстетики романтизма. Особую роль в складывании образа сыграла «История государства Российского» Н.М. Карамзина. Состав эстетической мысли в общественном сознании России того времени весьма сложен. Симпатии к народу в ходе нашествия Батыя и интерес к влиянию монголов на его быт относятся к сентиментализму, внимание к воздействию ордынского владычества на народный характер является тенденцией романтизма. Золотая Орда рассматривается как связующее звено между Россией и Азией. С позиций преобладающего в российской исторической науке того времени европеизма Азия характеризуется более отсталой частью света, чем Европа. В соответствии с этим у России, европейской страны, перенесшей долгий период азиатского господства, теперь есть цивилизаторская миссия по отношению к бывшим землям Золотой Орды. В публицистическом дискурсивном поле появляется идея о спасении Русью европейских стран от завоевания монголами. Это показывает постепенную смену приоритетов в общественном сознании с религиозных на светские – от спасения Русью православной веры к защите ею цивилизации. Религиозные мотивы полностью не отбрасываются, роль православия теперь видится в сохранении русскими своей национальной самобытности под иноземной властью.

Освобождение Руси от ордынского владычества тоже рассматривается в религиозной категории «искупление грехов». Для этого русским землям нужна единая и сильная монархическая власть. Этот тезис появляется в религиозном дискурсивном поле (у митрополита Платона) раньше, чем в светском. Искупление этого греха выпадает на долю московских князей, кульминацией процесса является Куликовская битва.

С 1840-х гг., особенно в рамках государственной школы, возрастает интерес профессионального сознания к поиску закономерностей в историческом развитии России. Степень влияния Золотой Орды у каждого историка данного направления различна, но их объединяет рассмотрение этого фактора как внешнего, который действовал лишь как инструмент. Этим инструментом в XIV–XV вв. лучше всего сумела воспользоваться Москва. Больше внимания начинает уделяться истории народа – в рамках этого одним из главных последствий ордынского владычества для истории Руси считается разделение единого государства на две части – северо-восточную и юго-западную, развитие которых отныне пошло разными путями. Иной вариант взаимоотношений с Золотой Ордой видится в Литве, которая обещала освобождение от иноземной зависимости и этим привлекала к себе русское население. Орда в данном плане, по мнению ученых, помогала Северо-Восточной Руси противостоять литовскому влиянию.

В церковном дискурсе того периода мотивы противостояния ислама и христианства, которые превалировали в образах ордынского владычества в первой половине XIX в., отходят на второй план. В нем одновременно существуют две линии, которые представляли различные канонизированные русские святые Средневековья – мученики, погибшие в Орде, и те, кто решился на сотрудничество с ханами. Подвиг последних не менее значим – им пришлось поступиться своей гордостью и достоинством ради спасения родной земли. Ордынское владычество стало суровой необходимостью, испытанием для Руси по воле Бога. В этом моменте поле церковной истории сходится со светскими исследователями во взгляде на сущность ордынского владычества.

Русско-ордынские отношения в общественном сознании России к концу XIX в. все больше географически детерминируются и видятся не столько противостоянием цивилизации и варварства (это мнение отходит на второй план), сколько борьбой леса и степи. Важнейшей точкой в нем по-прежнему остается Куликовская битва как символ победы светлых сил над темными. Образ ордынского владычества начинает связываться с национально-освободительной борьбой русского народа за независимость. Это уже более сложный образ, где представления о цивилизационном развитии присутствуют в снятом виде, уступая место представлениям об объективных факторах развития истории. Географический фактор осмысливается историческим сознанием как метафора и закрепляется общественным сознанием как политический миф.

На образы ордынского владычества в учебной литературе XVIII – начала XX в. решающее влияние оказывали тенденции, господствующие в профессиональном историческом дискурсе. Прежде всего, выделяется политика Москвы как основа освобождения от Золотой Орды путем использования ее же помощи. Необходимость избавления от иноземной зависимости стала одной из причин появления в России сильной монархической власти. События периода ордынского владычества, особенно Куликовская битва, описываются в учебниках с опорой на тексты эпохи русского Средневековья, преимущественно религиозные по происхождению.

Художественная литература имперского периода отчасти заимствует образы ордынского владычества из профессионального исторического дискурса,

но изменяет их в соответствии с потребностями текущего времени. В произведениях XVIII – начала XIX в. тема зависимости Руси от Орды вводится, чтобы показать готовность героев русской истории защищать справедливость, правду, свободу и бороться против тирании в том смысле, который вкладывало в эти понятия общественное сознание рассматриваемого времени. Это обусловило метафоричность изложения образов ордынского владычества, они связываются с мотивами патриотизма. Из-за отсутствия ярких и крупных работ поэтов и писателей поле художественной литературы до 1930-х гг. не влияло на образы ордынского владычества в отечественном общественном сознании.

Преобладающее влияние на создание и концептуализацию образов ордынского владычества в имперский период их развития оказывало поле профессиональной исторической науки, в котором большую роль играли религиозные компоненты, особенно в XVIII – первой половине XIX в. Основным механизмом создания этих образов служило изображение Золотой Орды диким и отсталым государством, что базировалось на использовании в основном европейских источников по ее истории, в частности, записок католических монахов-миссионеров XIII в.

Рассмотренные образы ордынского владычества оказывали основное влияние на образованные слои населения России XVIII – начала XX в. и прочно отложились в сознании российской интеллигенции данного времени. Они совпадали с европоцентричными представлениями этих социальных групп о месте и роли России в Европе и Азии, что стремились объяснить и с помощью обращения к эпохе ордынского владычества.

В **главе 2 «Русско-ордынские отношения в пространстве отечественного общественного сознания 1920–1980-х гг.»** разбирается образ ордынского владычества, сложившийся в общественном сознании 1920–1980-х гг.

В **параграфе 2.1 «Образы ордынского владычества в историко-общественной мысли СССР и русской эмиграции»** выявляется образ зависимости Руси от Орды, представленный в советском и эмигрантском профессиональном историческом сознании и публицистике. В 1920-е гг. развитие образа ордынского владычества шло в рамках научной школы М.Н. Покровского, для которой значение этого явления в русской истории виделось несущественным. В следующее десятилетие ситуация меняется, власть начинает оказывать все больше влияния на формирование образов прошлого. Методологическими основами для этого становятся мнение К. Маркса о негативной роли ордынской зависимости для развития Руси и взгляды И.В. Сталина на ордынскую угрозу как важный фактор ускорения создания единого Русского централизованного государства. Поскольку оба эти тезиса базируются на идеях XIX в., образ ордынского владычества в данный период поменялся не слишком значительно.

В официальной науке 1930–1980-х гг. формируется единый образ ордынского владычества, при этом резко выделяются из него лишь работы Л.Н. Гумилёва. Историки подчеркивают значение народной борьбы в деле освобождении от иноземной зависимости, основная тяжесть которой легла на трудовые массы Руси. Более предметно ученые начинают исследовать историю Золотой Орды,

однако ее положительные оценки не приветствуются. Она предстает как искусственно созданное, паразитическое государство, не оставившее следа в мировой культуре. Возвышается роль борьбы Руси с Ордой в спасении Европы от кочевников, которая приобретает всемирно-историческое значение. Ордынская зависимость для Руси в XIII в. видится менее опасной, чем агрессия с Запада. Этот тезис – итог сильного влияния политической обстановки СССР на изучение событий, связанных с владычеством Орды.

Отдельным направлением общественной мысли становится евразийство, развивавшееся в среде русской эмиграции наиболее плодотворно в 1920-е гг. Представители данного течения довольно радикально расходились с предыдущим отечественным дискурсом об ордынском владычестве и оценивали данное событие положительно для русской истории. Евразийские идеи в СССР рассматривали в политическом плане и сильно критиковали до 1980-х гг.

В **параграфе 2.2 «Ордынская тематика в учебниках, кинематографе и художественной литературе 1920–1980-х гг.»** охарактеризовано отношение к теме ордынской зависимости в кинематографе, художественной, учебной литературе СССР и русской эмиграции. В 1920–1950-е гг. на развитие и функционирование образов ордынского владычества большое влияние оказывали представления, сложившиеся в имперский период. В 1920-е гг. наиболее влиятельные тогда советские историки М.Н. Покровский и Н.А. Рожков рассматривали зависимость от Орды в русле государственной школы, как один из факторов, оказавших влияние на действие внутренних закономерностей русской истории. С 1930-х гг. всё активнее на образы ордынского владычества воздействует фактор внешней опасности, стоявшей перед Советским государством. Историческая наука и культура СССР практически без изменений заимствуют из имперского дискурса второй половины XIX – начала XX в. образ ордынского владычества, связанный с национально-освободительной борьбой против иноземных захватчиков. Он лишь несколько видоизменяется в соответствии с требованиями идеологии и классового подхода – вместо князей и православной церкви главная роль в этой борьбе отводится народу. Преобладает тезис о спасении Европы от монгольской угрозы благодаря борьбе Руси с Батыем, на что повлияли идеи публицистики XIX в.

Важным приемом концептуализации этого образа становится связь нашествия монголов на русские земли с крестоносной угрозой с Запада. Последняя представлена куда более опасной для существования Руси, чем власть хана Орды. Под влиянием новых взглядов на национальные вопросы монголо-татары избавляются от определений «варвары» и «дикари», однако дихотомия степных и земледельческих народов с культурным преобладанием вторых над первыми остается доминирующей тенденцией при описании русско-ордынских отношений.

Такие черты больше характерны для дискурсивного поля профессиональной исторической науки. В художественной литературе и кинематографе образ ордынского владычества более метафоричен, его цель –прославление борьбы против иноземных захватчиков. В этих полях образы концептуализируются во-

круг двух фигур, важнейших для исторической памяти советских людей, Александре Невском и Дмитрии Донском. Главной целью этих героев является противостояние Золотой Орде, один осуществляет это с помощью дипломатии, второй – военными средствами.

Золотая Орда в общественном сознании страны теряет свое исключительно прикладное значение для изучения истории России, получает субъектность и право на свое прошлое. Это государство оценивается как непрочное, не имеющее глубоких исторических корней и значения для входивших в ее состав народов, так как возникло искусственно, путем захвата кочевниками различных территорий.

Профессиональная историческая наука в 1930–1950-е гг. продолжает изучение ордынского владычества по образцам государственной школы, как фактора, влиявшего на складывание единого государства, только оценка этого влияния меняется с положительной (помощь в возвышении Москвы) на отрицательную (замедление образования Русского централизованного государства). Это дискурсивное поле оказывает превалирующее влияние на складывание образов в художественной литературе и кинематографе – писатели и режиссеры пока чутко прислушиваются к мнению историков.

С 1960-х гг. связь образов ордынского владычества с крестоносной агрессией отходит на второй план. Появляются попытки рассмотреть данный феномен с точки зрения отдельных советских регионов. В подобных работах начинают искать в Золотой Орде и империи Чингисхана одну из точек отсчета своей истории. Этот процесс происходит постепенно, скорее через публицистику и художественную литературу. В профессиональном историческом и учебном дискурсивных полях разделяются завоевательная политика элит этих двух государств и стремление к мирному развитию их народов, низших слоев населения средневековых татар и монголов, с которых снимается ответственность за «иго» над русским и иными подчиненными Сараю и Каракоруму народами.

Несмотря на рост внимания к истории стран Востока, в общественном сознании, особенно у научной интеллигенции, продолжает господствовать европеизм во взглядах на неё. СССР считается частью Европы, поэтому попытки выявить какое-либо положительное влияние Золотой Орды на русские земли вызывали острые возражения профессионального исторического сознания.

В кинематографе Орда предстает как хтоническая, слепая сила, страшная и враждебная героям и одновременно привлекающая их своей необычностью и мощью. Образы золотоордынцев используются авторами для аллегорического обсуждения более современных вопросов вплоть до проблем о причинах недовольства местных элит центральной властью, как, например, в споре между Старшим и Младшим князьями в фильме А.А. Тарковского «Андрей Рублёв». В поле художественной литературы СССР в 1970-е гг. возникают первые образы, в которых ордынское владычество описывается не только с точки зрения противостояния двух миров, но и возможности их мирных контактов и сотрудничества. Такая же ситуация происходит и в публицистике.

Юбилей Куликовской битвы, одного из главных символов, с которым связывается ордынское владычество, актуализирует его образы. С 1980 г. профессиональный исторический дискурс постепенно уходит от этнического понятия «монголо-татарское» к более нейтральному с национальной точки зрения «ордынское» при описании власти Орды над Русью. Растет интерес к внутренней истории Золотой Орды, сначала в археологии, позже и в других сферах исторической науки.

В 1980-е гг. в публицистике и художественной литературе постепенно распространяются евразийские воззрения. Золотая Орда перестает описываться только как негативный фактор для развития отечественной истории. В художественном дискурсе появляются положительные герои монгольского, татарского или смешанного происхождения. В исторической науке, в основном, сохраняются консервативные взгляды на эту роль, и именно тогда она теряет свое главенствующее влияние на формирование образов ордынского владычества в отечественном общественном сознании.

На трансляцию образов ордынского владычества в массовом сознании с конца 1930-х гг. больше влияния оказывали художественная литература и кинематограф. Но создавались они еще под воздействием исторической науки. Этим появившимся благодаря кинематографу и литературе в 1930–1950-е гг. образам ордынского владычества учебная литература следовала до конца 1980-х гг. Поскольку эти образы базировались на представлениях XIX – начала XX в., учебники оказались наименее подвержены изменениям во взглядах на ордынское владычество.

Итак, в массовом сознании до 1980-х гг. основными остаются, пусть и с некоторыми модификациями, образы ордынского владычества, которые сформировались еще во второй половине XIX – начале XX в. и были связаны с национально-освободительной борьбой русского народа. Среди советской интеллигенции эти образы с 1960-х гг. изменяются, особенно у представителей региональной прослойки – прежние оценки Золотой Орды и ее влияния на русскую историю перестают устраивать данные социальные группы. Новые идеи для своей исторической памяти об образах ордынского владычества они пытаются найти в евразийском течении отечественной общественной мысли, которое до этого времени развивалось параллельно и конструировало новые образы русско-ордынских взаимосвязей. Эти стремления выражаются в поле публицистики, художественной литературы и только отчасти в области научного исторического дискурса и кинематографа.

В **главе 3 «Образы ордынской зависимости в профессиональном и массовом отечественном сознании после 1991 г.»** раскрывается сущность изменений образов ордынского владычества, которые стали заметны в отечественном общественном сознании после 1991 г.

В **параграфе 3.1 «Русско-ордынские связи в пространстве современного российского исторического сознания»** изучаются взгляды на взаимодействие Руси и Орды в современном отечественном историческом дискурсе. С 1991 г. историческая наука в России отличается многообразием образов ордынского

владычества. На их широту влияет как отсутствие единых идеологических и теоретико-методологических установок, так и интересы региональных интеллектуальных элит. Меняется отношение к Золотой Орде. Особое внимание уделяется ее многонациональному характеру, что важно и для современной России. Понятие «иго» постепенно уходит из научного дискурса, все чаще по отношению к ордынской зависимости применяется категория вассалитета. Акцент делается на личностные, а не только государственные взаимосвязи Руси и Орды. Сохраняется также советский взгляд на ордынскую зависимость, причем его популярность к 2020-м гг. растет, что объясняется реакцией на текущие общественно-политические события. Помимо столичных, появляются региональные научные школы изучения Золотой Орды. Между ними, особенно центрами изучения, расположенными в Татарстане и Бурятии, ведутся споры о соотношении тюркского и монгольского элементов в этом государстве.

Историки ищут новые пути исследования вопросов ордынского владычества. Плодотворно рассматривается восприятие власти Орды ее русскими современниками, все больше применяются методы интеллектуальной истории и попытки системного анализа феномена зависимости Руси от Орды. Столичные историки стараются уйти от качественных оценок значения владычества кочевников в русской истории, авторы из национальных республик начинают все выше оценивать образы Золотой Орды и Монгольской империи в российской и мировой истории.

В **параграфе 3.2 «Современное массовое сознание в России об отношении к ордынскому владычеству»** анализируются представления о русско-ордынских отношениях, сложившиеся на современном этапе развития массового сознания и отразившиеся в кинематографе, художественной литературе, учебниках по истории и в публицистике. В современном массовом сознании отсутствует единый устоявшийся образ ордынского владычества. В художественной литературе с 1990-х гг. представления о событиях ордынской зависимости постепенно переходят от идеи враждебности и конфронтации к возможности признания тесных контактов двух миров, Руси и Орды, их пересечения и взаимовлияния. Кинематограф в данном плане более консервативен и скорее эксплуатирует уже сложившиеся в массовом сознании стереотипы о русско-ордынских отношениях. Однако и в фильмах постепенно сближаются образы Золотой Орды и русских княжеств. В учебной литературе все больше внимания уделяется внутреннему развитию Золотой Орды как мультикультурного государства. Общий образ ордынского владычества в учебниках все же остается отрицательным, несмотря на усилия власти изменить его, особенно с 2010-х гг. Эпоха зависимости от Орды в них рассматривается как одна из героических страниц прошлого русского народа.

С 1991 г. эволюция образов ордынского владычества происходит в условиях кризиса, раздробления общественного сознания и поиска новых форм и концептов, которые могли бы его объединить. В 1990-е – начале 2010-х гг. в дискурсивном поле профессиональной истории сильно возрастает роль региональных центров изучения Золотой Орды. Эти центры стремятся использовать образы ордынского владычества для поиска народов, некогда входивших в состав Золотой

Орды, своего места и значимости в общероссийской истории. Распространяется практика круглых столов – столичные и региональные историки пытаются найти консенсус, выработать общий взгляд на феномен ордынского владычества. Либеральная интеллигенция в 1990-е гг. ищет в зависимости Руси от Орды истоки авторитарного характера российской власти. Под влиянием активного становления локальных идентичностей, претендующих на региональное господство, профессиональное поле исторического дискурса активно размывается и превращается в разновидность публицистического.

В XXI в. больше внимания начинает уделяться изучению того, как ордынское владычество воспринимали его современники, параллельно углубляются конкретные исторические знания об ордынском владычестве и его влиянии на покоренные народы. Делается вывод о легитимном характере власти Орды для населения Руси на протяжении почти всего времени его существования. Куликовскую битву рассматривают как место памяти, способное объединить различные слои российского общества. Золотая Орда предстает как развитое государство, средневековая империя, сочетавшая в себе черты степной и городской культур и умевшая почти бесконфликтно управлять различными народами, входившими в ее состав. Описание зависимости меняется с «ига» на вассальные отношения.

С середины 2010-х гг. на наследие Золотой Орды, а вслед за ней и империи Чингисхана претендуют не только отдельные регионы России, но и федеральный центр. Это проявляется в новых единых учебниках по истории, где Золотая Орда получает право стать частью общероссийского прошлого. Новые образы ордынского владычества государственная власть пытается институционализировать в общественном сознании через поле учебной литературы. Круглые столы по проблематике ордынского владычества в это время теряют свою актуальность – центры формирования и развития его образов обозначили себя и стали заниматься внутренними проблемами формирования нужных местной политической элите форм национальных идентичностей, распространяя эти образы для определённых групп населения России, которые готовы их воспринимать. Поле профессиональной исторической науки по отношению к образам ордынского владычества по-прежнему пока не может преодолеть свою новую раздробленность.

Несмотря на стремление некоторых общественно-политических сил привести образы ордынского владычества к единству, в 2010–2020-е гг. наблюдается все растущая их двойственность в профессиональной исторической науке и публицистике. С одной стороны, Золотая Орда больше не предстает как «бич божий». Она обозначается старшим партнером Руси, который помогал ей бороться с внешней угрозой со стороны Запада. Данный концепт возник ещё во второй половине XIX в., присутствовал и в материалистическом дискурсе 1920–1980-х гг., но теперь он выходит на первый план. С другой стороны, никуда не исчезает образ, связанный с национально-освободительной борьбой Руси против ордынских завоевателей. Группы населения, которые его придерживаются, крайне болезненно реагируют на ревизию взглядов на русско-ордынские отношения в сторону их мирного характера и считают это антипатриотической линией. В новых геополитических условиях этот второй образ становится всё актуальнее и для

государственной власти. Раздвоенность видна даже во вроде бы ставшим единым поле учебной литературы – во многих университетских учебниках, в отличие от школьных, ордынское владычество по-прежнему описывается в категории «монголо-татарское иго».

Такая же двойственность присутствует и в дискурсивных полях художественной литературы и кинематографа. Большое влияние на их развитие оказывают голливудские образцы, к которым стараются подтянуть изображение ордынского владычества. Создатели данных продуктов используют сложившийся в массовом сознании стереотип этого феномена: Золотая Орда была диким азиатским государством, терзавшим несчастную Русь. Одновременно с этим растет интерес к мирным контактам этих двух миров. Больший акцент делается на личностные взаимоотношения русских и ордынцев. Исторические судьбы Золотой Орды и Руси предстают схожими. В либеральном направлении российского общественного сознания борьба Руси против владычества Орды несколько дегероизируется. В кинематограф в 2020-е гг. возвращается патриотическая тематика в трактовке ордынского владычества. В источниках, которые задают образы массовому сознанию, повторяется эволюция образов ордынского владычества, происходящая в профессиональном историческом поле и особенно в публицистике.

Историческая наука с 1991 г. в силу системности своего кризисного состояния теряет ведущую роль в концептуализации образов ордынского владычества в общественном сознании России. Эта роль переходит к публицистике. Но последняя свои конструкты берет у историков. Художественная литература и кинематограф из всего многообразия образов выбирают те, которые могут принести их создателям больше прибыли. Новые образы Золотой Орды, активно продвигаемые региональными центрами, вступают в противоречие с устоявшимися в общественном сознании представлениями, идущими ещё с XIX в. Образы Орды и её власти одновременно используются как пример мультикультурной империи и средство для объединения нации в борьбе с иноземными завоевателями. От того, удастся ли как-либо совместить эти образы, будет зависеть, сможет ли общественное сознание России воспользоваться геополитическим наследием Золотой Орды и империи Чингисхана.

В **заключении** подведены итоги исследования. История образов ордынского владычества в российском общественном сознании XVIII – начала XXI в. позволяет выявить основные тенденции их эволюции.

1. XVIII – начало XX в. – имперский период формирования и взаимодействия образов ордынского владычества.

1.1. 1700–1790-е гг. Профессиональные и массовые образы ордынского владычества формируются в едином поле, образованном взаимодействием религиозного и светского дискурсов. Образы ордынского владычества заимствуются из религиозных текстов, понимаются как «кара за грехи и прегрешения». Фрагментарно появляются рациональные объяснения. Их основа – идеи философии Просвещения. Образов немного, они еще не особо поддаются структурированию, поскольку нет устойчивого набора рационально обоснованного объяснения ни нашествию, ни порабощению. Лейтмотив трактовок образов – поиски рационального объяснения божественной воли.

1.2. 1780–1790-е – 1840-е гг. Концептуализация образов ордынского владычества в рамках единого религиозно-светского исторического дискурса выполняется в основном средствами романтической эстетики. Политизация восприятия образа ордынского владычества происходит под доминирующим воздействием идей классицизма. Результатом концептуализации становится рождение идеи, во-первых, совместить образ ордынского владычества с идеей борьбы против тирании и, во-вторых, осмыслить остро переживаемый факт отставания Российской империи от европейских стран необходимостью долговременной борьбы с монгольским нашествием.

1.3. 1840–1910-е гг. В общественном сознании расходятся религиозное и светское понимание истории. Усложняется понимание политической концептуализации истории. В ней рядом с понятием «государство» появляется понятие «народ». В полном соответствии с идеями просветительской философии профессиональное сознание начинает уделять все больше внимания мнению народа. Образы ордынского владычества становятся разнообразнее и приобретают достаточно четкую структуру. В них вкладываются идеи религиозные и светские при постепенном доминировании рациональных объяснений. Борьба леса со степью приобретает черты геополитического мифа. Влияние Золотой Орды на историю России по-прежнему считается внешним и чужеродным, но оно перестает оцениваться как преимущественно отрицательное. В поле политической истории распространяется идея о том, что русские князья использовали ордынское владычество для укрепления единства абсолютной монархии. Лейтмотивом публичного дискурса в образах ордынского владычества постепенно становятся идеи национально-освободительной борьбы русского народа, а за татаро-монголами как народом-завоевателем закрепляется стигматизирующее определение народов-«бичей божьих», разрушителей цивилизаций.

2. 1920–1980-е гг. – господство в политическом дискурсе материалистических представлений об образах ордынского владычества.

2.1. 1920–1950-е гг. Религиозный аспект уходит из публичного дискурса. Он вытесняется в повседневную жизнь формирующейся русской диаспоры. Образы ордынского владычества в силу их совмещения с идеями борьбы за сохранение независимости переносятся в дискурсивное поле общественного сознания советской страны практически без изменения, вместе с религиозными по своему происхождению мифами о разрушительной природе ордынского владычества. Классовый характер государственной идеологии присутствует в образах ордынского владычества 1920–1950-х гг. в снятом виде: заслуга борьбы с иноземными завоевателями отдается не князьям, а народу. При этом накануне ожидаемого нашествия с Запада образы ордынского нашествия приобретают больше метафорических черт, чем конкретно-исторического содержания. Метафоричность образов ордынского владычества проявляется не столько в исторических трудах, сколько в продукции, предназначенной для массового сознания, особенно в кино.

2.2. 1960–1970-е гг. Поле общественного сознания советского типа перестает столь радикально, как в предшествующие годы, ориентироваться на проблемы внешнеполитической безопасности. На первый план постепенно выходят

проблемы внутреннего единства многонационального советского народа. Образы ордынского владычества внешне сохраняют привычную структуру и ориентацию, но постепенно они перестают отвечать потребностям людей в формировании новых национально-ориентированных локальных форм идентичности. В профессиональной среде, а затем и в публичной становится заметнее растущая обида национальной историографии Татарской АССР на повсеместно употребляемые термины «татаро-монгольское/монголо-татарское нашествие» и «иго». Потребность конкретизации представлений о материалистической природе исторических знаний будит интерес ученой среды к идеям евразийства. Толчком к их обсуждению становится комплекс идей Л.Н. Гумилёва о естественной детерминированности этнических процессов.

2.3. 1980-е гг. Сложившиеся образы ордынского владычества вступают в противоречие с идеями превращения советского народа в новую общность, в которой все народы представлены в равной мере. Дискуссии, посвященные юбилею Куликовской битвы, сравнительному анализу Повестей куликовского цикла и «Слова о полку Игореве», актуализируют и образы ордынского владычества. Рядом с их негативными характеристиками появляются положительные образы «Великой Степи». Советское общественное сознание проявляет живейший интерес к идеям евразийства, оценивает уже не их узко-политическую неприязнь к советской власти, а более глубокое культурологическое содержание. Главный итог эволюции образов ордынского владычества состоит в том, что общественное мнение признает право народа-«бича божьего» на положительное место в отечественной истории. Потребность отечественного общественного сознания в евразийских идеях исподволь готовит почву для приближающегося слияния двух частей общественного сознания русского мира вне и внутри страны.

3. 1990-е – первая половина 2020-х гг. – трактовка образов ордынского владычества в сложных поисках новых форм российской идентичности.

3.1. 1990-е – начало 2010-х гг. Для этого периода характеры: хаотизация общественного сознания Российской Федерации как региональной страны, определение места образов ордынского владычества в поисках «национальной идеи»; освоение общественным сознанием понятия «гражданская политическая нация» применительно к многонациональному населению постсоветского пространства; возвращение в публичную сферу религиозного дискурса; мифологизация образов ордынского владычества в России и в соседних странах по голливудскому стереотипу.

3.2. 2010-е – 2021 г. Это время осознания функций и структуры образов истории, способствующих сплочению народов в борьбе за их общие геополитические интересы, создания новых образов ордынского владычества в обобщающих курсах истории России и их обсуждения в пространстве общественного сознания с привлечением традиционных и новых технических средств формирования профессиональных и массовых дискурсов.

3.3. С 2022 г. по настоящее время. Образы ордынского владычества используются для сплочения русского мира, создания гражданской политической нации в РФ и в сфере когнитивного противостояния.

Таким образом, изучение образов ордынского владычества позволяет понять более широкие тенденции и конкретно-исторические особенности развития отечественного общественного сознания XVIII – начала XXI в.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ СОИСКАТЕЛЯ:

Статьи, опубликованные в ведущих научных рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ при Минобрнауки России

1. Смирнов А.В. Особенности изображения взаимоотношений русских земель и Золотой Орды в советском кинематографе // Клио. СПб., 2024. № 3 (207). С. 190–198 (1,09 п.л.).

2. Смирнов А.В. Отечественная мультипликация как источник образов ордынского владычества в российском историческом сознании // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. Москва, 2025. Т. 16, № 1. С. 136–150 (0,93 п.л.).

3. Смирнов А.В. Отечественные энциклопедические издания XIX – начала XXI вв. как источник формирования образа ордынского владычества в массовом историческом сознании // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Сер. «Исторические науки». Симферополь, 2025. Т. 11 (77), № 1. С. 112–125 (1,13 п.л.).

Статьи, опубликованные в других научных изданиях

4. Смирнов А.В. Влияние цифровизации на современное историческое общественное сознание на примере кинематографического образа ордынской зависимости в телевизионном сериале «Золотая Орда» // Региональные культурные стратегии в современном мире: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) 11–12 мая 2023 г. Пермь: Перм. гос. ин-т культуры, 2023. С. 69–75 (0,34 п.л.).

5. Смирнов А.В. Методологические основы проблемы изучения образов ордынского владычества в истории российского общественного сознания XIX – нач. XXI вв. // Голос минувшего. Краснодар, 2023. № 3. С. 69–74 (0,37 п.л.).

6. Смирнов А.В. Особенности трактовки русско-ордынских отношений и образа Золотой Орды в российской историографии XVIII в. // История культуры и культура истории: сборник статей. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2024. С. 91–98 (0,49 п.л.).

7. Смирнов А.В. Особенности изображения образа Золотой Орды в социокультурном пространстве российского общественного сознания на примере фильма «Орда» // Региональные культурные стратегии в современном мире: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) 16–17 мая 2024 г. Пермь: Перм. гос. ин-т культуры, 2024. С. 344–348 (0,26 п.л.).

8. Смирнов А.В. Образы ордынского владычества в истории российского общественного сознания // Сборник тезисов участников IX Всероссийского молодёжного научного форума «Наука будущего – наука молодых». Самара: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, 2024. С. 104 (0,02 п.л.).

9. Смирнов А.В. Взгляды на эпоху ордынского владычества в отечественных учебниках по истории XIX – начала XX в. // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (21–24 октября 2025 г.). Москва: Институт российской истории РАН, 2025. С. 171–178 (0,5 п.л.).

СМИРНОВ АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ

ОБРАЗЫ ОРДЫНСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ XVIII – НАЧАЛА XXI В.

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Подписано в печать 14.01.2026. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$
Печать цифровая. Уч.-изд. л. 2,0. Тираж 100 экз. Заказ № 6320.3
Издательско-полиграфический центр
Кубанского государственного университета
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149